

через соответствующую глагольную семантику (слав. **peti*, **рьно* > **petro*), так и через именные репрезентации – ‘палка, доска’, ‘ребро’ (нем. *Stock, Stockwerk*, греч. *ῥοφος* < *ῥέφω*, в конечном счете имеющие значение ‘ребро’) и т. д.

2.5.2. Мы предполагаем, что серб. *спрат* как дериват глагола *спратити* – хотя и является формальным и ономаσιологическим гапаксом на славянском уровне – в рамках сербского языка объясняется при помощи мотивационной параллели, представленной в синонимичной паре *спремити* > *спрем(ни)ца*. Это слово воплощает идею помещения вещей на чердак (в противоположность подвалу).

Putanec V. Etimološki prinosi (27–35) // Razprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje. 29. Zagreb, 2003. S. 225–258.

Т. В. Володина

Минск (Белоруссия)

Телесные девиации в этнокультурном тексте

В этнокультурных представлениях и в речи, прежде всего диалектной, телесные девиации (слепота, глухота, немота, горбатость, кривизна, лысина) имеют сходные смысловые свойства и включаются в подобные культурные контексты. К ним примыкают и в отдельных случаях соединяются с ними наименования переменных признаков человека (нагота, босота, чрезмерное оволосение и т. д.), которые в русле мифопоэтической аксиологии также приобретают черты оценочных и нормативных. Как правило, отступление от нормы вызывает повышенный интерес и соответствующий всплеск языковой активности. Особое же значение приобретает тот факт, что любое нарушение нормы в народных представлениях понимается как отклонение в сторону «чужого» в противовес «своему», т. е. нормативному, освоенному (усвоенному, присвоенному). Это же «чужое» может конкретизироваться как опасное, демоническое, темное, злое.

Моделирующая функция телесной ущербности в этносемиотической перспективе чрезвычайно актуальна и продуктивна. Актуализация физической неполноценности начинает применяться для характеристики человека здорового физиологически, но имеющего определенные особенности в плане поведения и отдельных характеристик личности. Так, для наименования человека с социально неприемлемым поведением употребляются наименования семантического поля девиаций: слепота – бел. диал. *пулусьвет* ‘одноглазый’ и ‘развратный’; рус. диал. *близорукий* ‘назойливо ухаживающий за женщиной’; глухота – бел. *глушэц* ‘равнодушный человек’; босота как одна из составляющих «наготы асоциальной» – бел. *басятніцаць* ‘вести себя распушенно’, рус. диал. *босойга* ‘негодная женщина’, *босовик* ‘развратник’; пол. *bosówka* ‘девушка, родившая вне брака’; лысина – бел. *Калі ўродзіцца з лысінкай, дык і памрэ з лысінкай; і ні лысы* ‘прикидываться невиноватым’; *На Барыса баба лыса* и др.

Рядом с несовершенством морально-этическим в терминах ущербности с довольно широким диапазоном значений характеризуются в языке и культуре недостатки интеллектуальные: от необразованности – бел. *слепата* – через ограниченность восприятия – бел. *Што глухі, што дурны* – к отсутствию разума вообще (в некоторых славянских языках немой одновременно значит ‘глупый’, ср. словен. *net*). Популярна характеристика лысого человека как умного: *Лыс да умён, два угодня в нём*, – однако этот ум в контексте негации любой избыточности вызывает определенные предостережения: *Бойся лысых ды рыжых: лысы дужа разумны, а рыжы надта хітры*.

Горб у человека в целом становится символическим сосредоточением черт характера его владельца, причем, разумеется, негативных: *Сундук с бельём, да невеста с горбом* ‘жена с богатым приданым, но некрасивая или с плохим характером’; бел. *Чым больш кошку гладзіш, тым больш горб падымае; Свайго гарба ніхто не бачыць*; укр. *Тому й горбатый, що на грех багатый*, см. также любопытное бел. *за гарбатую бабу пайшоў* ‘о муже, который живет в доме жены’.

Обозначения физического безобразия – как стандартного примера внешней инакости – закономерно развивают семантику демоничности. Недаром демоны сплошь ущербны, ср., например, *лыс бес, черт лысый, корми дьявола лысого*, бел. *чорту лысаму ‘неизвестно кому’, Лыско, лысый ‘черт’*. Аномалии речи – такой же признак представителей иного мира, как и аномалии конечностей, ср. рус. пск. *бес немой*, волог. «Бадя – это некто страшный..., чаще немой или гутнивый, безрукий, иногда хромой». В заговоре даже вредоносные ветры предстают как «голыя, босяя, касматыя, лахматыя, лесавыя, балотныя, ветраныя, дваровыя, палуношныя, заравыя – ветры злыя»; нагота выступает как идентифицирующий атрибут для демонического персонажа, ср. бел. полес. «Не дывыся у колодец, бо тые *голобаба* утягне». У белорусов горбатыми изображались водяной и злыдни. В этой же плоскости объясняется увечье колдунов.

Сама Смерть, безжалостная к своим жертвам, представляется слепой – *Смерть сослепу лютует*. Согласно известному поверью, если сразу не закрыть покойному глаза, Смерть воспользуется ими, чтобы высмотреть новую жертву. В польских верованиях Смерть была наказана Богом и потеряла слух: *Śmierć jest głucha, nikogo nie słucha*. У моравов встречаем табуизированное наименование смерти *Hołá: Přide Hołá, pod' do doła*. К сфере смерти обращены и такие наименования как бел. *жмур*, *жмур* ‘покойник’, *сляпая баба* как персонаж игр и т.д.

Как представители иного мира традиционно воспринимаются ряженые, которые не только подчеркивали внешние увечья в своем облике (к примеру, «Вожделение Кральки» на Гомельщине, которую представляла девушка в облике карлицы с двумя горбами), но и приобретали показательные наименования – *горбунёц, глушкіі*.

Увечье маркирует сферу социально иного, что актуально и для современного языкового нестандарта, ср. *жмурка* ‘босяк’, *слепой, слепенький* ‘беспаспортный бомж’, *горбач* ‘разбойник’. Телесные девиации десоциализируют человека; человек, сам поставивший себя вне рамок социума, представляется этим социумом как физически неполноценный.